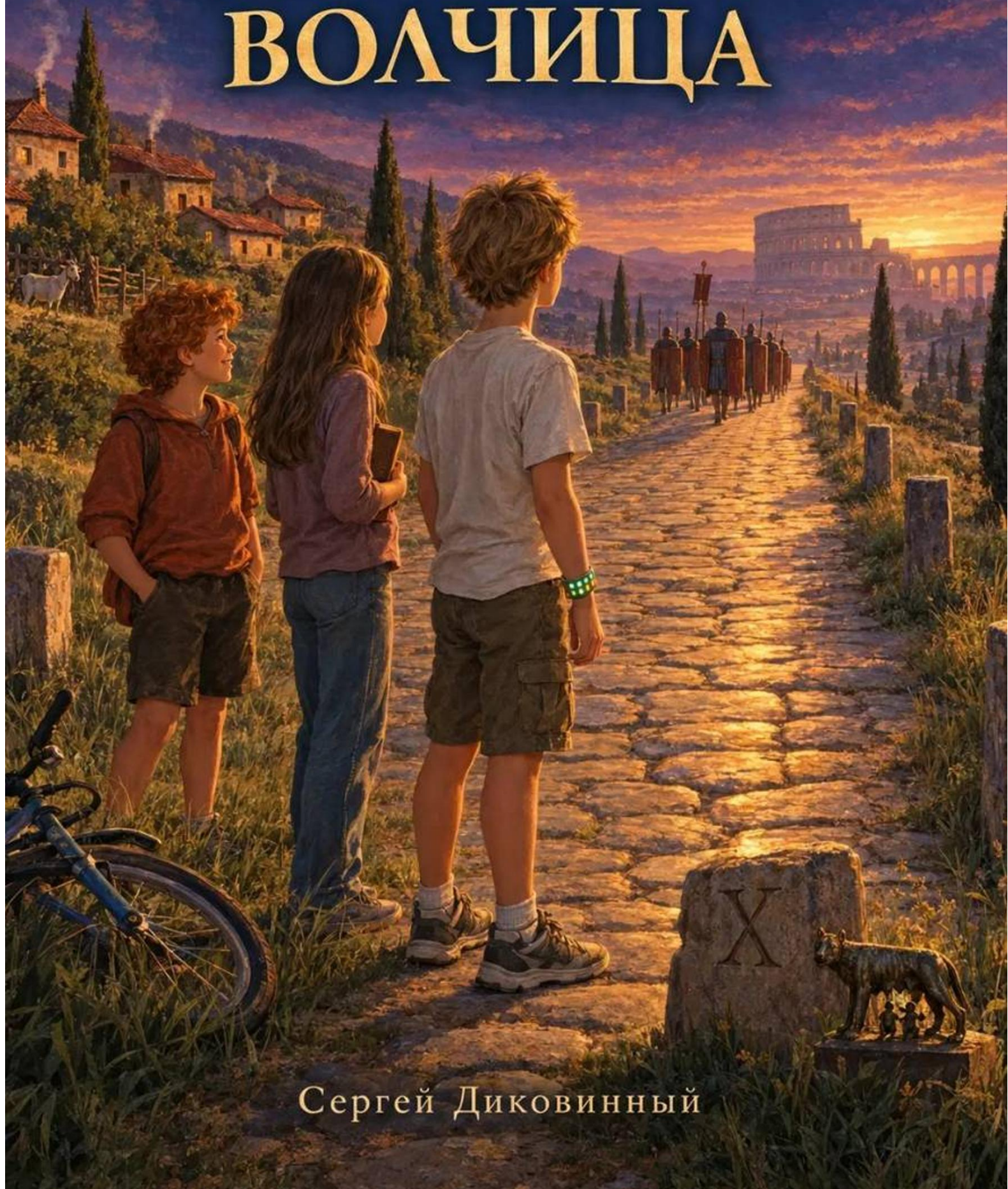

— С К В О З Ь В Р Е М Я —

ДОРОГА И ВОЛЧИЦА

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

**Сквозь время. Дорога и
волчица. Древний Рим**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Сквозь время. Дорога и волчица. Древний Рим /
С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Витька думал, что после Греции его уже ничем не удивить. Греция научила его спорить, петь, думать. А Рим научит совсем другому: уступать. И окажется, что это — самое трудное. В этой книге Витька пройдёт от деревни к городу. От пяти глинобитных домов на холме, где волчица кормит близнецов, — до мраморной столицы мира, где толпа, легион, хлеб и зрелища. Он увидит, как плебеи у дверей сената сто лет упорно добиваются своего — и добьются. Он увидит, как легионеры разной крови идут в ногу — и поймёт, что Рим силён не оружием, а умением делать чужих своими. Он увидит Форум, где уступают и спорят, — и увидит, как это кончается. Он увидит Цезаря — не злодея. Поймёт, что беда не в том, что Цезарь плохой, а в том, что теперь вместо всех — один. И когда Форум замрёт, и станет тихо, — Витька поймёт больше, чем ему хотелось бы. Он увидит Колизей — снаружи. Не пойдёт внутрь. Потому что там убивают ради зрелища, а это — уже не цивилизация. Это её тень.

Содержание

Глава 23. Волчица	5
Глава 24. Форум	10
Глава 25. Легион	15
Глава 26. Цезарь	21
Глава 27. Хлеба и зрелищ	26
Глава 28. Разбор	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Диковинный Сквозь время. Дорога и волчица. Древний Рим

Глава 23. Волчица

Он оказался **на холме**.

Один холм. Второй. Третий. Много холмов. Между ними — **низкая, сырая земля**. Река — **узкая**, мутная, петляет между холмами. Кусты. Трава. Камыш. Над рекой — **мошकारа**, облаком.

Небо — **серое**. Не пасмурное. Просто — **раннее**. Ещё не встало солнце. Всё в **дымке**.

Витька стоял **на склоне**. Под ногами — **трав**а, мокрая от росы. Сандалий у него **не было**. И не босиком — **в своих кроссовках**. Странно **чувствовались** здесь. Жёлто-зелёные. С **полосками**. Как из **другого мира**. Впрочем, они и **были** из другого мира.

Он **огляделся**.

Холмы были **пустые**. Никаких **храмов**. Никаких **колонн**. Никаких **дворцов**. Только — **трава**. Только — **кусты**. Только — **камни**, серые, обломанные. И — **дым**. Далеко, **между холмами**. Тонкая **струйка**. Значит, там — **кто-то живёт**.

Он **пошёл** на дым.

Спустился **в низину**. Прыгнул **через ручей**. Мокрые **кроссовки** — **хоть выжимай**. Но — **ладно**. Он привык. За это лето. Мокрые ноги — **не беда**. Мокрая тетрадка была бы беда. К счастью, тетрадка **осталась дома**.

Он **вышел** к деревне.

Это была **деревня**.

Настоящая. **Пять домов**. Может, **семь**. **Хижины**. Из **прутьев**, обмазанных **глиной**. Крыши — из **соломы**, серой от дождя. Низкие двери. Окон **нет**. Внутри — **дым**. Вход — **вместо трубы**.

На **площадке** — **костёр**. Вокруг — **люди**. Немного. Мужчины. Женщины. Дети. Все — **босые**. Все — **в рубахах**, грубо сшитых. Все — **худые**. Не от голода — просто **жизнь такая**.

Витька **остановился** в стороне.

Он **не хотел** идти **внутрь**. Он **ропал**: надо **сначала посмотреть**. Как в Египте. Как **везде**.

Он **стоял** за кустом.

Люди **работали**.

Мужчины — **чинили** изгородь. Не спеша. С **разговором**. Женщины — **доили** козу. Прямо на **площадке**. Одна **толкла** что-то **в каменной ступке**. Крупа. **Пшено**. Четверо **детей** — **бегали** друг за другом. **Смеялись**. **Кричали**. **Визжали**.

Витька **смотрел**.

Это была **деревня**. Обычная. Таких — **тысячи**. Таких — **миллион**. В любой стране. В любые времена.

Это была **деревня**.

И **здесь** — через **тысячу лет** — **будет Рим**.

Рим. Название — **огромное**. Он **ужасно** большого. Где-то. Цезарь. Легион. Колизей. **Империя**. Слово **жирное**, как **монета**. Слово **веское**, как **камень**. И — **вот** — **перед ним** — стояло это. **Глиняные хижины**. **Коза**. **Дым из дверей**.

Витька **смотрел** долго.

Он **ничего не говорил**. **Не думал** ничего. Просто **смотрел**. И **понял** одну вещь.

Это не «Рим». Это — **деревня**. А **Рим** — **будет потом**. **Очень потом**. Через **много лет**. Через **многожизней**. Через **много смертей**. **Сейчас** — **ничего нет**. Только **хижины**. Только **дым**. Только **коза**.

Он **услышал** голос.

Голос был **старый**. Женский. Хриплый. Он **шёл** из **одной хижины** — той, что была **чуть в стороне**.

Витька **пошёл** ближе.

В хижине — **внутри**, у **огня** — **сидела старуха**. Совсем **дряхлая**. Лицо — **как земля**. Руки — **как корни**. Она **что-то говорила** самой себе. **Тихо**. **Ровно**. **Пела**. Или — **рассказывала**. Витька **не понимал** слов.

Вокруг **старухи** — **дети**. **Три** или **четыре**. **Мальчики** и **девочки**. **Лет** **пять-семь**. Они **сидели** на **земляном полу**. **Кругом**. **Слушали**. **Неподвижно**. Как **за мороженые**. Как **в главе 17** — **в Крите**. Как **старик** — у **огня**.

Витька **сел** рядом. У **стен**. На **корточки**. **Слушать**.

Старуха **говорила** долго.

Она **говорила** тихо. **Ровно**. **С паузами**. **Иногда** — **поднимала голову**. **Иногда** — **смотрела** на **детей**. **Нонан** их. **Сквозь** них. **Куда-то далеко**.

Витька непонимал слов.

Но снова — как всегда — он стал понимать картинку.

Старуха рассказывала про двух братьев. Один был наш. Другой — ненаш. Они поссорились из-за чего-то важного. Старуха показала рукой — на холмы. На реку. На небо. Как будто она видела что-то, чего Витька не видел. Где два брата стояли друг напротив друга. На этих самых холмах.

А потом — другое. Старуха сказала слово. Слово — важное. Потому что дети все разом замерли. Как в главе 17 — когда старик сказал «Минотавр».

Витька не понял слово. Но услышал звук. Он был мягкий. Тянул себе «л», «п», «а». Что-то вроде... «лупа»? «лукан»? Нет. Похоже. Другое.

Старуха показала руками. Четыре лапы. Морду. Хвост. Зверь.

Мальчик рядом с Витькой шепнул ему:

— Люпа.

Витька вздрогнул.

Люпа. Это — «волчица».

Старуха рассказывала дальше.

Она говорила про зверя. Как зверь кормил двух мальчиков. Молоком. Как мать. Прото, как мальчики выросли. Как стали строить город. Здесь. На этом самом месте. На холме.

Она показала над вершинами. Неснаружи. Внутрь. Как будто город был там. Внутри. В этой глиняной мазанке. С дымом из козы.

И дети — слушали. И верили. И — потому что верили — город был.

Вот так делаются города.

Витька сидел и смотрел на детей. На старуху. На огонь. И в какой-то момент — понял ещё одну вещь.

Он понял, что можно жить в глиняной лагуне — и быть великим народом. Не потому что лагуна великая. Потому что ты веришь, что твоя лагуна — начало чего-то большого. И эта вера — сильнее камня. Камни рассыплются. Вера — останется. И на пустом месте построятся настоящие.

Он посмотрел на мальчика рядом.

Мальчику было лет десять. Рыжий. Курчавый. Глаза — зелёные. Веснушки. Он смотрел на старуху внимательно. Как будто запоминал каждое слово.

Он обернулся и посмотрел на Витьку.

Не испугался. Не удивился. Как будто ждал его. Здесь всегда. Ждал.

Витька кивнул ему. Как спартанец в главе 19.

Мальчик кивнул в ответ.

— Марк, — сказал он.

Имя. Своё. Витька понял по жесту — руку на грудь.

— Витька, — сказал Витька. Тоже — руку на грудь.

Марк улыбнулся. Не понял имени. Но принял.

Витька вышел на улицу.

Солнце уже встало. Серое небо стало белым. Холмы позеленели. Дым из хижины поднимался прямо, вверх. Козы заблеяли. Где-то — петух. Как звезда. Как всегда.

Марк вышел за ним.

Он показал рукой — вперёд. На холмы. На один холм. Самый высокий. Зелёный. Пустой.

Витька понял.

Там будет Рим.

Не сейчас. Потом. Когда-нибудь. Многолетспустя. Многожизнейспустя. Много смертейспустя.

Но там. Онужевидалтамчто-то. В своейголове. В своёмсердце. Какстарухави-
делагородвсвоейлачуге. КакВитькавидалгородвсвоейголове.

Он посмотрелнахолмдолго.

Он любилделатътакраньше— когдаигралвгорода. В песочнице. В третьем-
классе. Строилизпеска. Называл«Москва». Называл«Париж». Называл«Нью-
Йорк». А теперь— Рим. Тоже— изпустоты. Изничего. Измечты.

Всеимперииначинаютсясдеревни.

Он обернулсяназад.

Римбылздесь. Пятьдомов. Коза. Дым. Детиуогня. Старухасволчицейнаустах.
Изэтогобылодостаточно.

Он поднялруку.

Браслет. Семнадцатьзелёныхквадратов. Семнадцатый загорелсясамс собой. Тихо.
Мягко. Каквсе.

Он сказалпросебя:

«Семнадцать. Это — начало».

И светпомерк.

Дома былвечер.

Витька сиделзастолом. Лампагорела. Тетрадкалежалаоткрытой. Ручка—
рядом.

Он сиделидумал.

Он думалпрото, чтоувидел. Проглиняныехижины. Простаруху. Проволчицу,
которойнебыло. ПроМарка. Прохолм. Прослово«Рим», котороепокаобозначало-
толькодеревню.

Он взялручку.

Написал сверху:

«Волчица».

И сталписать.

*Сегодня я былвРиме. Но Риманебыло. Вместонего— деревня. Пятьдомов. Глиня-
ныестены. Коза. Дым. Всё крошечное. Всё бедное.*

*И старухарассказываладетямпроволчицу. Какволчицакормиладвухмальчиков.
Каконивыросли. Какпостроилигород. Здесь. Наэтомместе.*

*Волчицынет. Небыло. Или — была, нонетакая. КакМинотавранетвКрите. Какле-
генда— этопамять, свёрнутаявисторию. Помнишь, ятеберассказывал?*

Но здесьдругое.

Минотавр— памятьпросложныйдворец. Прострахпередним. Пропереход.

*Волчица— памятьпросто-тооченьпростое. Прото, каклюдивыживали. Какзверь-
жалелдетей. Какнапустомместестроилсягород. Волчица— этонемонстр. Волчица—
этомама. Живая. Настоящая. Такая, какаябыларядомскаждым, ктовыживал. Вол-
чица— этовсё, начтотоможнонадеяться.*

*И ещёважное. Детислушалистаруху— изверили. Ипотомугородбыл. Не здесь— вго-
лове. Новголове— тожездесь. Такначинаетсявсё. Вера. Потом— камень.*

Он задумался. Дописалвнизу:

*Сегоднявидалмальчика. Марк. ОниестьРим. Негород. Мальчик. Издеревни. Кото-
рыйверитстарухе.*

Изэтогодостаточно, чтобыбылРим.

Он закрылтетрадку.

Посидел ещёнемного.

Лёг спать.

Засыпая, подумал: «Семнадцать. Ещё пять».

И заснул.

Глава 24. Форум

Он оказался **на холме**.

Тот же холм. Тот самый. Тот, на который показывал **Марк**— в прошлый раз. Зелёный. Пустой. Теперь — **не пустой**.

Внизу — **город**.

Не деревня. **Город**. Он лежал **в низине**, раскинувшись **между холмами**. Камни. Камни **вместо глины**. Крыши— **черепичные, красные**. Улицы— **мощёные, серые, вытесанные из камня**. Стены. Настоящие **стены, высокие, из камня**. Ворота. Башни. Храмы **на холмах**. Дым **над домами**. Много **дыма**. Густо.

Витька стоял **и смотрел**.

Ещё **вчера**— **пять домов**. Коза. Старуха. Сегодня— **город**. Большой. Настоящий. Столица.

Он понял **одну вещь**.

Не «**вчера**» и «**сегодня**» **в его жизни**. А **в жизни этого места**. Не **день прошёл**. Века. Сотни лет. Много **жизней**. Много **смертей**. Деревня **стала городом**. Глина **стала камнем**. **Марк вырос**— **если не он сам, то его правнуки**.

Витька стал спускаться с холма.

Улицы были узкие.

Дома жмутся друг к другу. Балконы нависают. Солнце сюда не достаёт. Тень. Прохлада. Пахнет хлебом. Чесноком. Вином. Потом.

Тут жизнь кипит сильнее, чем на площади. Дети играют в камешки. Хозяйка выливает воду прямо на мостовую. Какой-то мужчина тащит мешок. Ослик упирается — не хочет идти. Торговец кричит на ослика. Ослик не слушает. Классика.

Витька улыбнулся.

Это было как в Афинах. Также шумно. Также живо. Но — не то же. Афины — говорили. Здесь — делали. Там — спор. Здесь — работа. Там — слово. Здесь — камень.

Витька шёл и слушал.

Ритм был другой. Ровнее. Собранный. Как будто всю куда-то идути знают зачем. Как будто город — слаженный механизм. Каждый знает своё место.

Он вышел к площади.

Форум.

Слово он услышал откуда-то — из толпы произнесли. Короткое. Тяжёлое. Как камень.

Это была главная площадь.

Большая. Ровная. Прямоугольная. Мощёная. По краям — храмы. Колонны — белые. Ступени — каменные. Статуи. Много статуй. Каменные люди — смотрят вниз, на толпу. Мало похожи на живых. Слишком важные.

В центре — базилика. Длинная. Сколоннами по бокам. Там ходили люди — медленно. Тихо. Деловито. Что-то обсуждали. Что-то решали. Внутри — тень. Прохлада.

Со стороны базилики — здание. Ещё важнее. Дверь открыта. Внутри идут мужчины. Одеты одинаково. Белые тоги с красной каймой. Медленно. Важно. Как будто у них есть время. И все дела. У всех остальных — нет. А у них — есть.

Витька смотрел.

Он понял.

Сенат.

Тут решали. Тут собирались самые важные. Тут слово было сильнее камня. Как в Афинах. Но — не так.

Не так, потому что тут давненько не пускали всех.

Он видел это сразу.

Вокруг сената — толпа. Люди простые. Плебеи — Витька услышал слово. Короткое. Презрительное. Так важные люди говорили про них. Плебеи. Толпа.

И в этой толпе — кричали.

Один мужчина вышел вперёд. В простой рубаше. С мозолями на руках. Кузнец или плотник. Он кричал. Он что-то требовал. Показывал руками на себя. На других. На сенат. Голос у него был не слабый. Мог кричать. Мог быть услышанным.

Но его не пускали внутрь.

Двое стражников с копьями — перегородили вход. Не грубо. Но твёрдо. Мужчина не отходил. Продолжал кричать. Толпа гудела.

Витька смотрел на него.

Он вспомнил Афины. Главу 19. Там тоже были простые люди. И там тоже были важные. Но там — все могли говорить. Каждый. На площади. Никто никого не загораживал. Здесь — загораживали.

Он понял: это — не Афины.

Это — Рим.

Другое.

Он почувствовал руку на плече.

Обернулся.

Перед ним стоял парень. Лет пятнадцати. Рыжий. Курчавый. Зелёные глаза. Веснушки. В простом тунике. Босой. Загорелый.

Витька смотрел на него секунду.

Потому знал.

— Марк?

Парень улыбнулся.

Тот самый. Тот же рыжий. Те же веснушки. Тот же взгляд — внимательный, как у всех Марков на свете. Только — вырос. Сильно вырос. Был десять — стало пятнадцать. Или — он не вырос, это другой Марк. Внук того. Правнук. Неважно. Это — Марк. Тот же Марк. Как тот же город — ине тот же.

Марк сказал что-то. И показал рукой — на кричащего мужчину. Потом — на себя. Потом — на себя.

Витька понял.

«Он — я».

Мужчина удивился — Марк. Тот же человек. Только взрослый. Только — кричит. Только — его не пускают.

Витька понял, чего Марк не сказал.

Марк был там. С ними. Слебеями. Это — его люди. Это — его дело. Он пятнадцать. Он тоже пойдёт туда. Кричать. Через несколько лет.

Витька смотрел на него долго.

Марк потянул его за руку.

Повёл куда-то. В сторону. От крика. От сената. В переулок.

Там было потише. Плебеи жили здесь. Тесно. Грязно. Теснее, чем в центре. Хуже, чем у патрициев. Витька понял: это — как в Афинах было бы — но в Афинах не было так резко. В Афинах все считались гражданами. Здесь — не все.

Марк привёл его к двери.

Обычная. Деревянная. Низкая.

Марк постучал. Открыл. Зашёл. Поманил.

Витька зашёл.

Внутри — полутемно. Лампа масляная. Стол. Скамьи. Несколько мужчин. Сидели. Молчали. Как будто только что закончили говорить. Или только начинают.

Марк сел на скамью. Кивнул Витьке — садись. Витька сел.

Молчание было долгим.

Потом один из мужчин — седой, с мосягами — заговорил. Тихо. Ровно. Без крика. Как будто это было не в первый раз.

Витька слушал.

Он не понимал слов.

Но понимал смысл.

«Нам надо быть услышанными».

«Мы — тоже Рим».

«Мы — строим стены. Мы — пахем землю. Мы — умираем за город. Почему мы — не граждане?»

Марк слушал внимательно. Как в детстве. У старухи. У огня.

Витька смотрел на Марка.

И вспомнил старуху.

И деревню.

И волчицу.

Ивдругпонялоднувещь.

**Рим— этонегород. Рим— этолюди. Разные. Сразнымиправами. Сразнымижиз-
нями. Сразнымиголосами. Ито, чтопроисходитсейчас, — этонессора. Это— разго-
вор. Долгий. Тяжёлый. Нетакой, каквАфинах. Негромкий. Нотакойжеважный.**

Ивэтом— силаРима.

Римумеетслушать.

Медленно. Тяжело. Черезстолет. Но— умеет. Потомучтоиначе— развалится.

Мужчины встали.

Разошлись. Молча. Каждый—своимпутём.

Марк вышелвместесВитькойнаулицу.

**Солнце ужеклонилосякзападу. Тенисталидлинными. Пахлоужином. Кто-тожа-
рилчто-тонауглях. Хорошо.**

**Марк смотрелнафорум— вниз, туда. Отсюда виденбылвесь. Сенат. Базилика.
Статуи. Храмы. Толпа.**

Он сказалчто-то. Коротко.

Витька понялпотону. Непословам.

«Нашгород».

Наш. Неих. Непатрициев. Несенаторов. Наш. Всех.

ТакработаетРим.

**Непотому, чтокто-топобедил. Апотомучтовсеуступали. Шагзашагом. Столетза-
столет. Игородрос.**

Витька поднялруку.

Восемнадцатьзелёныхквадратов. Восемнадцатый — такойжетихий. Каквсе.

Он сказалпросебя:

«Восемнадцать. Это — уступать».

И светпомерк.

Дома быланочь.

Витька сиделзастолом. Лампа. Тетрадка. Ручка.

**Долго смотрелвокно. Нарекую. Свою. Маленькую. ПосравнениюсТибром.
Но—свою.**

Потом написалсверху:

«Форум».

И сталписать.

Сегодня ябылвРиме. Римужеесть.

Это город. Большой. Каменный. Сулицами. Столпами. Схраминахолмах.

Но ясразупонялоднувещь: этонеАфины. ИнеСпарта. Это— третье.

**В Афинахвсеграждане— равны. Каждыйговорит. Каждогослушают. Увсех— один-
голос.**

В Спарте— все— одно. Одинстрой. Одиншаг. Одинголоснавсех.

**А вРиме— нетак. ВРиме— естьважныеиневажные. Патрициииплеbei. Те—все-
наме. Эти— удвери. Неимеютголоса.**

Нослушай.

**Явидел, какплеbeiкричали. Немолчали. Небунтовалисоружием. Требовали. Мед-
ленно. Упорно. Столет. Двестилет.**

И знаешьчто?

Сенат— слушал.

**Я незнаю, чтобудетдалее. Может— уступят. Может— нет. Нояпочувствова-
лоднувещь: Рим— этоумениеуступать.**

Неслабость. Непоражение. Умение. Как искусство. Если ты не уступишь во время — город развалится. А если уступишь — станет только крепче.

Потому что все — в одном Риме. Все — внутри. И патриции. И плебеи. И Марк. И седой мужчина с мозолями.

Все — Рим.

Он задумался. Дописал:

И ещё: Марк вырос. Он теперь пятнадцать. Он — с плебеями. Он — один из них. И это хорошо. Он — Рим. Как был. Просто теперь — взрослый.

Он закрыл тетрадку.

Подумал: «Восемнадцать. Осталось четыре».

И лёг спать.

Глава 25. Легион

Он оказался на дороге.

Не на холме. Не в городе. Не в переулке. Прямая, широкая, мощёная дорога — уходила вдаль, к самому горизонту, и на ней нельзя было разглядеть конца. По обе стороны тянулись поля: выжженные солнцем, жёлтые, с редкими пятнами зелени у ручьёв. Вдоль дороги, ровно через каждые несколько сотен шагов, стояли каменные столбы — низкие, гладкие, с выбитыми на них цифрами. Витька не знал, зачем они. Просто видел: дорога размечена. Размерена. Она знала, куда ведёт.

Он посмотрел в одну сторону. Ничего. В другую. Ничего. Ни города, ни людей, ни дыма вдалеке. Только дорога, поля и солнце, стоящее в самом зените, яростное и белое.

Витька пошёл вперёд.

Он не знал почему. Просто шёл. Ноги сами несли его по камню, и шаг получался ровный, как будто дорога задавала ритм. Один. Два. Один. Два. Он поймал себя на том, что идёт в такт. И почему-то это было приятно.

Потом он услышал пыль.

Не звук. Пыль вообще не звучит. Но что-то впереди поднималось над дорогой — серое облако, плотное, высокое. Оно ползло к нему навстречу, и вместе с ним шёл глухой, тяжёлый гул. Не крик. Не песня. Что-то ниже и глубже. Как будто где-то далеко бьёт один большой барабан, и от него дрожит земля.

Витька остановился.

Облако росло. Гул приближался.

И тогда он увидел их.

Они шли строем.

Не толпой. Не отрядом. Строем. Ровные ряды, в ногу. Впереди — знамя. Не флаг в нашем смысле — скорее длинное копьё с привязанным к нему куском плотной ткани, и на ткани был нарисован зверь. Витька не сразу разобрал, кто это — может, волк, может, орёл. Но зверь был. Зверь шёл впереди. Зверь вёл.

За ним — люди.

Много. Больше, чем он видел в Афинах на площади, больше, чем на Марафоне. Шеренга за шеренгой. Все в одинаковых доспехах — не таких, как у греков. Не бронзовые нагрудники, не яркие плащи. Другое. Кольчуга мелкая, как чешуя. Длинные щиты — не круглые, а прямоугольные, высокие, почти в рост человека. Шлемы с широкими нащёчниками, из-под которых видны только глаза. Все — в ногу. Все — молча. Единственный звук — этот глухой, ровный гул: сапоги по камню. Тысячи сапог. Один ритм.

Витька стоял на обочине и смотрел.

Он вспомнил Марафон. Вспомнил ту тихую, неровную, живую линию афинян — с разными щитами, с разными рисунками, с хлебом в карманах у кого-то, со стариком, который рассыпал вокруг себя что-то из мешочка. Та линия не была ровной. Она была живой.

А эта линия была ровной. И от этого — страшной. Не злой. Просто — нечеловечески точной. Как будто это шёл не отряд людей, а одно существо. Одно большое тело с тысячами ног.

Никто не обернулся в его сторону. Ни один солдат не повернул головы. Ни один не сказал ни слова. Они просто шли. Ровно. Одинаково. И это было — Витька вдруг понял — красиво. Страшно, но красиво. Как река, которая течёт не туда, куда ей хочется, а туда, куда прорыто русло.

Он пошёл следом.

Не рядом. По обочине. На некотором расстоянии. Так безопаснее. И так лучше видно.

Отряд свернул с дороги на закате.

Витька увидел, как впереди — на ровном, вытоптанном поле — строят лагерь. Только что было пусто, а через несколько минут уже поднимались палатки. Ровными линиями. Одинаковыми. Кожаными, плотными, натянутыми на деревянные шесты. Между палатками — тоже ровные проходы. Всё рассчитано. Всё на своём месте.

Кто-то копал ров. Витька не сразу понял, зачем, — до самого горизонта никого не было, никакого врага, никакой опасности. Но ров копали. Всегда. Как всегда ставили палатки ровно. Как всегда выставляли дозорных. Не потому, что кто-то мог прийти сегодня. А потому, что так надо. Так делали всегда. И будут делать завтра. И через сто лет.

Витька остановился на краю поля и сел на камень.

Он смотрел на них долго.

Он вспомнил Спарту. Спартанские мальчишки шли в ногу. Босые. Молчаливые. С короткими волосами. Их учили с детства. Из них делали одно. Витька тогда подумал: вот это сила. Вот это порядок. Вот это умение быть вместе, а не каждый сам за себя.

А теперь он смотрел на легион и понимал, что здесь — другое.

Спартанцы маршировали потому, что иначе не умели. Их так воспитали. Они не могли иначе. Строй для них был не методом, а воздухом, которым они дышали. А в этих рядах были разные люди. Витька видел по лицам — по тем немногим лицам, что видны были из-под шле-

мов. Один с тёмной кожей, как будто из Африки. Другой — светлоглазый, светловолосый, как будто с севера. Третий — смуглый, с орлиным носом, похожий на тех, кого Витька видел в Греции. Они были из разных мест. Они говорили, наверное, на разных языках. И всё-таки шли вместе. В ногу. Ровно.

Это тоже было силой. Но другая сила. Не та, что стоит изнутри. Та, что собирается со стороны. И Витька вдруг подумал: а может быть, это даже крепче.

Рядом с ним кто-то сел.

Витька не вздрогнул. Он уже научился не вздрагивать. Просто повернул голову.

Марк.

Тот же рыжий, тот же курчавый, те же зелёные глаза. Но теперь — в простой солдатской тунике, не в городской. И с коротким мечом на боку. И с руками, которые уже не выглядели как руки мальчишки. Кожа на ладонях загрубела. На пальцах — мозоли. Там, где раньше была мягкость, — теперь была работа.

Он не улыбнулся. Просто кивнул — как раньше. И стал смотреть вместе с Витькой на лагерь.

Они сидели молча.

Долго.

Витька понял, что за эту поездку научился очень многому. Но самое, пожалуй, главное — это молчать рядом с кем-то и не считать это неловким. Просто сидеть. Просто смотреть. Просто быть.

Потом Марк заговорил.

Он говорил тихо, спокойно, глядя не на Витьку, а на лагерь. Витька не понимал слов. Но понимал, что это не жалоба, не хвастовство и не рассказ. Это скорее объяснение. Как будто Марк объяснял ему что-то важное, но не для того, чтобы Витька понял — а чтобы сам для себя ещё раз это произнёс.

Он показывал рукой.

Вот — палатки. Ровные. Вот — ров. Всегда. Вот — дозор. Даже когда никого нет. Вот — знамя. Впереди. Впереди не командир. Впереди — знамя. Знамя важнее командира. Если командир погибнет — знамя остаётся. Пока знамя стоит — легион стоит. Даже если командира нет.

Витька слушал и смотрел туда, куда показывал Марк.

Он понял главное, ещё не переведя для себя ни одного слова. Он понял, что в этом строе — не просто порядок. Здесь было нечто другое — то, что он никак не мог назвать точным словом. Порядок, который держится не потому, что кто-то заставляет. А потому, что каждый внутри себя знает: если я сейчас сломаю шаг — сломается всё. Не я один. Все. И потому — не сломаю.

Это было иначе, чем страх. И иначе, чем любовь. Что-то третье, чему Витька не знал названия. И не пытался придумать. Просто чувствовал — и этого было достаточно.

Мимо них прошёл человек.

Взрослый легионер. Лет сорока, может, больше. Шлем он нёс под рукой, и лицо его виделось целиком: усталое, спокойное, с глубокими морщинами у глаз. Он остановился рядом с Марком и что-то сказал. Коротко. Марк ответил. Потом легионер посмотрел на Витьку. Долгим, внимательным, но не враждебным взглядом. Как будто прикидывал, кто это и откуда. И, не найдя ничего опасного, кивнул.

Потом он заговорил с Марком — не спеша, с паузами. Марк слушал внимательно. Как когда-то, в детстве, слушал старуху у огня. То же лицо. Та же сосредоточенность. Та же готовность запоминать.

Витька смотрел на них и вдруг понял, что перед ним — не начальник и не подчинённый. Здесь так не работало. Скорее — старший и младший. Один передаёт другому то, что знает

сам. Не потому, что обязан. А потому, что иначе — нельзя. Иначе не проживёт. Ни отдельный человек. Ни весь легион.

Это было то же самое, что старуха у огня, — но переведённое на другой язык. На язык железа и шага.

Марк повёл его в лагерь.

Не внутрь строя — вдоль. По краю. Витька шёл, стараясь держаться рядом, и смотрел по сторонам.

Внутри лагеря кипела жизнь. Но какая-то очень правильная, очень упорядоченная жизнь. Кто-то чинил кольчугу. Кто-то точил меч. Кто-то готовил еду на большом котле, и от котла пахло кашей и дымом. Кто-то перевязывал руку — не раненому, а самому себе, мозоль, натёртую в переходе. Все занимались делом. Никто не бездельничал. И при этом не было ощущения казармы. Было ощущение дома. Дома, у которого очень много хозяев, и все они делают его пригодным для жизни.

Витька вспомнил Афины. Там тоже кипела жизнь. Но иначе. Там люди болтали. Спорили. Кричали. Здесь люди работали. Молча. Сосредоточенно. Каждый — своё.

И то, и другое было жизнью. Но разной жизнью.

Витька в который уже раз за это лето подумал: вот как получается. Одно и то же можно делать совершенно по-разному. И оба раза — правильно. И никак нельзя сказать: вот это — лучше, а это — хуже. Можно только сказать: это — другое.

Возле одной из палаток Марк остановился.

Он сказал что-то Витьке и показал на палатку — мол, заходи. Витька вошёл.

Внутри было темно и тесно. Пахло травой, потом, кожей. В углу лежали вещи: небольшой сундук, плащ, пара сандалий, фляга. Всё аккуратно сложено. Как будто человек, который здесь живёт, знает, что завтра в любой момент может сняться с места. И потому не держится ни за что лишнее.

Марк вошёл следом. Сел на корточки. Показал Витьке — садись. Витька сел.

И Марк снова заговорил.

Витька не понимал слов. И всё-таки понимал всё.

Марк говорил про отца. Витька догадался по интонации. У Марка был отец, который служил в легионе. Погиб. Или — нет, не погиб. Ушёл далеко. Может быть, в Галлию, а может, ещё дальше. И вот теперь Марк — сам. Скоро в легион. Сначала вспомогательным. Потом — может быть — полноправным. Если повезёт.

И в этом «если повезёт» была та же самая интонация, что и у афинян перед Марафоном. Та же самая человеческая нота. Витька её уже слышал однажды. И узнал сразу.

Он понял: вот оно. Вот это то, за что воюет этот строй. Не за камни. Не за стены. Не за имя города. А за то, чтобы у Марка — и у его будущих детей — было завтра. Обычное завтра. Место в строю. Право называться своим.

Витька вспомнил плебеев. Того седого мужчину с мозолями. И понял, что в легионе происходило то же самое, что и на Форуме. Только здесь это было быстрее. Здесь ты мог получить своё не через сто лет, а через десять. Отслужить. Отличиться. И стать — римлянином. Полноправным. Своим.

Рим не просто брал чужих. Рим делал их своими. Это было не жадностью. Это было гениальностью.

К вечеру Марк вывел Витьку из лагеря.

Они поднялись на небольшой холм, с которого было видно всё: поле, палатки, ров, дозорных, дорогу. За холмом садилось солнце. Красное, большое, как будто оно тоже устало и хотело отдохнуть.

Витька сел на землю. Марк рядом.

Они сидели и смотрели.

Витька думал. Долго и спокойно. У него было много мыслей, и все они складывались медленно, одна к одной, и в конце концов сложились.

Он понял одну вещь, которую не мог сформулировать до конца, но чувствовал ясно, всем телом. Рим победит не потому, что он сильнее. Не потому, что у него лучшие воины. Не потому, что у него железо вместо бронзы. Рим победит потому, что он умеет брать чужих и делать их своими. Тот тёмный легионер из Африки — теперь римлянин. Тот светловолосый с севера — теперь римлянин. Тот с орлиным носом, грек, — тоже римлянин. Каждый из них сначала был никем. А теперь у каждого — знамя, палатка, место в строю, право на завтра.

Вот почему легион не распадается. Не потому, что кто-то его сжимает в кулак. А потому, что каждому в этом строе есть что терять. И есть за что стоять.

Витька посмотрел на Марка.

Рыжий. Курчавый. Зелёные глаза. Веснушки. Он сидел и смотрел на лагерь, и на лице у него было то же самое выражение, что когда-то у старухи, когда она рассказывала про волчицу. Это было выражение человека, который точно знает, зачем он здесь. Который не раздумывает. Который в этом строю — свой.

Витька поднял руку.

Девятнадцать зелёных квадратов. Девятнадцатый загорелся тихо, как все остальные.

Он сказал про себя:

«Девятнадцать. Это — принимать».

И свет померк.

Дома был поздний вечер.

Витька сидел за столом. Лампа горела, но свет был мягкий, и глаза уже начинали слипаться. Он долго смотрел в окно, на реку. Река плескалась тихо, как всегда. Спокойно. Домашне.

Потом он взял ручку, открыл тетрадку и написал сверху:

«Легион».

И стал писать.

Сегодня я был в римском войске.

Это не то же самое, что греческое. Я вспомнил Марафон, где афиняне стояли и пели — каждый сам, со своим щитом, со своим рисунком, со своим хлебом в кармане. Та линия была неровная, но живая. Тогда я подумал: вот это свобода.

А сегодня я увидел другой строй — ровный, точный, молчаливый. И сначала подумал: это — противоположность. Это — не свобода. Это что-то другое.

Но потом понял: нет. Это не противоположность. Это тоже свобода. Только другая.

Потому что эти люди стоят не потому, что их заставляют. Они стоят потому, что каждый из них когда-то был никем, а теперь у него есть знамя, палатка, место в строю и право на завтра. За это они и стоят.

Рим умеет брать чужих и делать их своими. Я никогда такого до сих пор не видел. В Египте был один народ — египтяне. В Междуречье — тоже. В Греции — свои. А тут — все. Африканец. Северянин. Грек. Все — римляне. Не потому, что стали другими. А потому, что получили право называться Римом.

И вот из-за этого Рим будет расти. Я догадываюсь. Он не просто строит город. Он строит список тех, кто внутри. И этот список всё время растёт. Не потому, что Рим добрый. А потому, что так выгоднее. Хитрее. Умнее.

Мне кажется, это важно. Это не про добро и не про зло. Это про умение.

Он задумался, посмотрел на браслет. Дописал внизу:

И еще про Марка. Он вырос. Из того мальчика, который слушал старуху у огня, получился солдат. Скоро он уйдёт в легион. Настоящий. Может быть, я его больше не увижу. Не знаю.

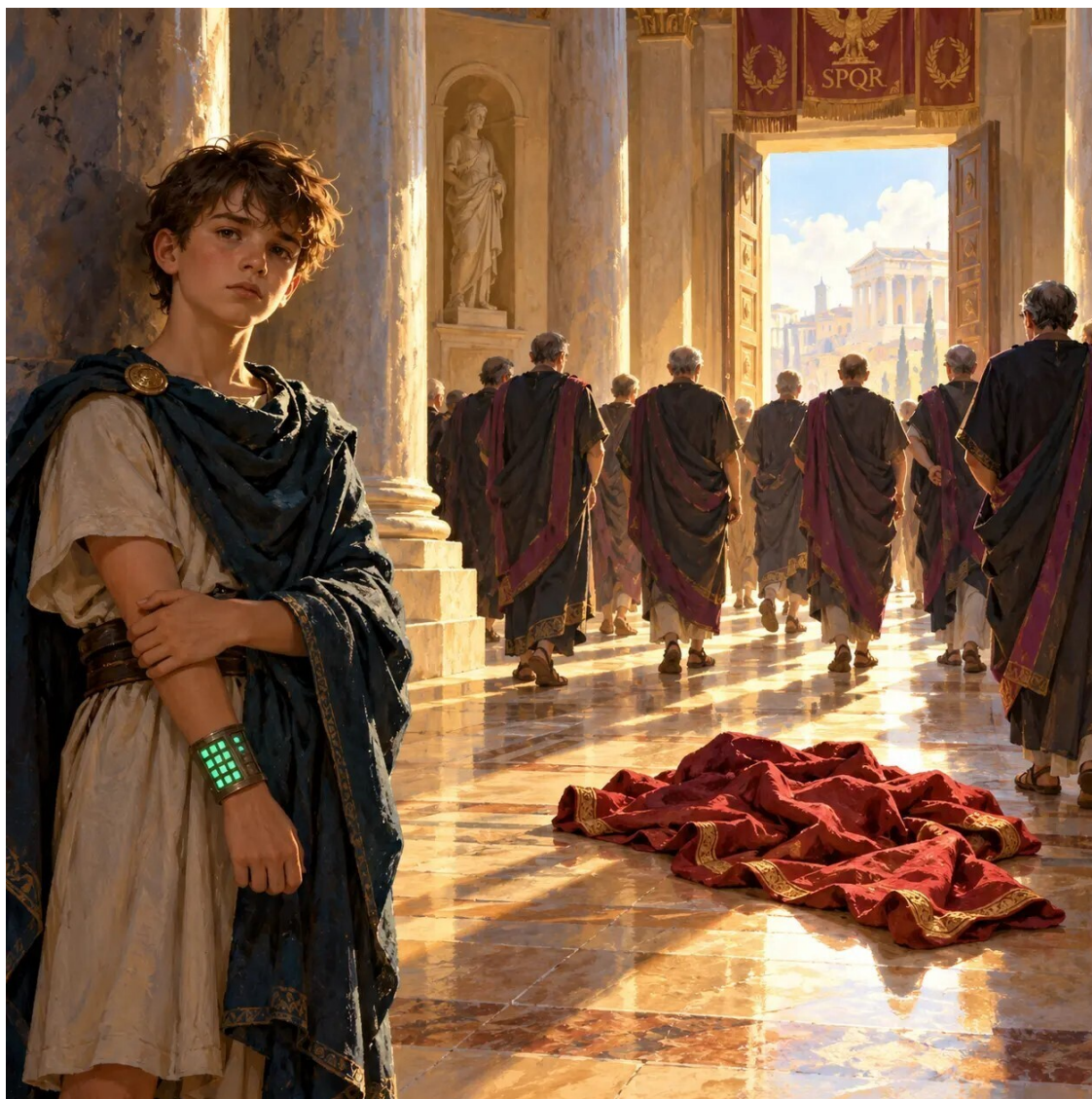
Но когда я смотрел на него сегодня — я понимал, что неважно, увижу или нет. Он уже понял про свою жизнь главное. А это — самое важное. Понять главное про свою жизнь.

Он закрыл тетрадку. Посмотрел на браслет. Девятнадцать.

Подумал: «Осталось три».

И лёг спать.

Глава 26. Цезарь

Он оказался на той же самой улице.

Витька узнал её сразу — по камню, по узости, по тому, как дома жались друг к другу, оставляя только полоску неба над головой. Только теперь эта улица была другой. Шумной. Полной людей. Не спешащих, а идущих в одном направлении — куда-то, всем потоком, как река, которую не остановить. Витьку подхватило и понесло вместе со всеми. Он даже не успел подумать, куда идёт. Просто шёл. Как все.

Люди вокруг были другие — не такие, как в прошлый раз. Тогда по улицам ходили мастера с мозолями на руках, хозяйки с корзинами, дети с камешками, ослики с упрямыми мордами. Сейчас толпа была пёстрая. Нарядные одежды. Золото на пальцах. Рабы с опахалами и корзинами. И вместе с этим — бедняки, те же самые, что всегда: босые, худые, но не унылые. И все — рядом. Все — вместе. И куда-то — в одну сторону.

Витька шёл и слушал.

Он не понимал слов. Но понимал тон. Люди говорили громко, перебивая друг друга, что-то доказывая, чем-то восхищаясь. Кто-то хлопал кого-то по плечу. Кто-то смеялся. Кто-то качал головой, но с улыбкой. В воздухе висело что-то — Витька не сразу понял, что именно.

Потом понял: ожидание. Такой воздух бывает перед большим праздником, перед объявлением, перед чем-то, чего все ждут и хотят, но боятся взглянуть. Все ждали. Все шли.

И тогда Витька понял, куда идёт поток.

На форум.

Форум был забит до отказа.

На ступенях храмов сидели. У колонн стояли. На статуях — висели мальчишки, чтобы видеть. Толпа была такой плотной, что, казалось, дышала одним большим воздухом. Витьку втиснуло в самую гущу, и он сначала испугался — не раздавили бы, — но потом почувствовал, что толпа не злая. Она была как разлитая вода: мягкая, тёплая, неудержимая, но не сердитая.

На форум, к сенату, шёл человек.

Витька увидел его издали. Сначала — только движение: толпа там расступалась, давала дорогу, и по этой расступавшейся просеке шёл кто-то небольшой, сутуловатый, в простом плаще. Не на коне. Не с охраной. Пешком. Как все.

Когда он подошёл ближе, Витька разглядел лицо.

Не молодое. Лет пятидесяти. Худое. С длинным носом, с большим лбом, с редкими волосами, тщательно зачёсанными на пробор. Глаза — быстрые, внимательные, такие, которые всё видят и всё запоминают. Он шёл и кивал. Кому-то. Другому. Третьему. Улыбался. Останавливался. Пожимал кому-то руку. Говорил коротко, несколько слов. И шёл дальше.

Это был Цезарь.

Витька понял это без объяснений. По тому, как на него смотрели. По тому, как рядом с ним становились тише. По тому, как в спину ему летели — не крики, нет, — а тихий, ровный, общий гул. Такой, как будто люди вокруг думают одно и то же и не могут это сдержать.

Он шёл мимо Витьки совсем близко. И — на одно короткое мгновение — посмотрел на него. Прямо. В глаза. Не удивлённо, не подозрительно. Просто так. Как будто отметил. И пошёл дальше.

Витька замер.

Он подумал — что это было. Ничего. Он просто попал в поле зрения. Но было что-то в этом взгляде. Такое, как будто этот человек привык смотреть на людей и понимать их с ходу. Как будто одним взглядом он успел увидеть в Витьке что-то непонятное и отложить это непонятное в дальний ящик. Мол, потом разберусь.

Цезарь прошёл. Толпа сомкнулась. Витька остался стоять.

Он долго шёл за ним по форуму. Не потому, что хотел что-то понять, а потому, что его неудержимо тянуло. Этот человек двигался так, как будто он всю жизнь находился в центре внимания и не устал от этого. Он не гордился. Не красовался. Он просто был — и этого было достаточно, чтобы вокруг него всё происходило.

Витька присел на ступени храма. И стал смотреть.

Цезарь выступал перед толпой. Не с трибуны. Прямо на площади. Он говорил, и толпа слушала. Не потому, что обязана была слушать. А потому, что — хотела. Что-то в его голосе держало их. Может быть, то, что он говорил про них. Про их город. Про их будущее. Про их детей. Может быть, просто — мастерство. Но Витька чувствовал: здесь больше, чем мастерство. Здесь была любовь. Толпа любила его.

Рядом с Витькой сел пожилой человек.

Никто не приглашал его. Он просто сел, как будто им было по пути. Обычный римлянин. Серые волосы. Морщины. Такая же туника, как у всех. Он посмотрел на Витьку — коротко, оценивающе. Потом — на Цезаря. И что-то сказал.

Витька не понял слов. Но услышал тон. И по тону понял всё.

«Он ведёт нас хорошо. Долго вёл. Но что-то — не так».

Витька оглянулся на пожилого. Тот смотрел не на толпу. На сенат. Туда, где раньше заседали важные люди в белых тогах с красной каймой. Сегодня сенат стоял пустой. Дверь закрыта. Никто не выходил и не входил. Как будто там никого и не было.

Витька посмотрел на сенат. Потом — на Цезаря. Потом — на пожилого.

И понял главное, что нужно было понять в этой главе.

Цезарь был один.

Не в смысле — без охраны. Охрана была. Не в смысле — без друзей. Друзья были. Он был один в другом смысле. Он был один — вместо. Вместо сената. Вместо республики. Вместо всех тех, кто когда-то решал вместе. Он сам был теперь — за всех. Один человек — за целый город. За целую страну. За целый мир.

Вот что было не так.

Не то что он плохой. Не то что он злой. Не то что он не умеет вести. Он умел. Он великолепно умел вести. Просто — теперь за всех должен был отвечать один. И от этого веяло чем-то очень тревожным.

Витька вспомнил Форум из прошлой главы. Плебеев у двери. Седого мужчину с мозолями. Он вспомнил, как они спорили, как добивались, как медленно и упорно требовали своего. И как сенат — слушал. Слушал! Это было главное. В том Риме сенат слушал. А сегодня — вот — сенат закрыт. А Цезарь — говорит. И толпа — слушает. И больше никого нет. Никого, кто мог бы сказать: «Постой. Я думаю иначе».

Витька встал и пошёл по площади.

Он шёл вдоль колонн и слушал разговоры. Не как раньше — стоял и смотрел. Теперь он шёл и вслушивался. Люди были восторженные. Но в этом восторге пряталось что-то ещё. Витька не сразу разобрал. Потом понял. В нём пряталось — нетерпение. Люди хотели, чтобы Цезарь наконец взял всю власть. Официально. Чтобы стал — как цари других народов. Чтобы не притворяться больше республикой. Чтобы — ясно и просто.

Витька остановился. Огляделся.

Он посмотрел на тех, кто его окружал. На молодых. На старых. На торговцев. На господ. На рабов. На всех. И вдруг очень ясно почувствовал, что видит Рим в переломную минуту. Одну из тех минут, которые потом в книгах называют большими словами — «поворот истории». А тогда — это просто толпа. Просто площадь. Просто день, такой же, как все.

Он поискал глазами Марка. Напрасно. Марка здесь не было. Слишком много времени прошло. Марк был — или погиб — или жил где-то далеко — или прошёл через всё это, как и вся его непростая жизнь. Витька вдруг понял: он больше не увидит Марка. Ни в этой поездке, ни в следующей. Он был — и прошёл. Как проходят все, кто был рядом и был дорог.

Он поискал другого — знакомого.

И нашёл.

Рядом, у колонны, стоял молодой человек — лет двадцати. Рыжий. Курчавый. С зелёными глазами. В веснушках. Обычный римский парень. Смотрел на Цезаря. Внимательно, спокойно, без восторга. Так же, как когда-то Марк смотрел на старуху у огня.

Витька смотрел на него долго.

Это был не тот Марк. Это был кто-то другой. Может быть, его сын. Может быть, внук. Может быть, просто — тот же самый род, с тем же лицом, из поколения в поколение. Марки — это имя, а не только человек. И это имя живёт. И это лицо — тоже живёт. И тот же взгляд — тот же, что у старухи. И та же готовность — слушать. И та же сосредоточенность — думать о своём.

Витька понял: этот мальчик тоже не всему верит. Он просто стоит. Смотрит. Ждёт. Думает. Как когда-то его далёкий предок.

Витька подошёл к нему. Тот повернул голову. И кивнул. Не как знакомому. Как своему.

Витька тоже кивнул.

И они опять молчали. Как всегда.

День клонился к вечеру.

Витька уже собирался уходить — не потому, что хотел, а потому, что чувствовал, что пора, — когда что-то изменилось. Негромко. Не резко. Но весь форум как-то разом замер. Не в смысле — замолчал. А в смысле — застыл. Даже воздух перестал двигаться. Потом где-то на дальнем конце площади послышался короткий звук. Что-то упало. Или кто-то упал. И прокатилось — по краю — глухое, тяжёлое «О-о-о-о...». Не крик. Просто звук, с которым люди понимают, что случилось плохое.

Витька посмотрел туда.

Он ничего не увидел. Толпа стухнула. Люди стояли спиной к спине, молчали, никто не двигался с места. И в этой самой неподвижности было что-то страшнее всякого крика. Стало тихо — так тихо, как не бывает в толпе. Как будто город на секунду перестал дышать.

Молодой Марк рядом с Витькой побледнел. Он посмотрел на Витьку. И вдруг заговорил быстро, громким шёпотом. Витька не понял ни слова — но не надо было понимать. Хватило того, как он это сказал. Как люди говорят невозможное.

Он сказал: «Цезаря убили».

Витька посмотрел на сенат.

Дверь была открыта. Внутри — темно. На ступенях у входа — что-то лежало. Витька не стал вглядываться. Не хотел. Ему и так было ясно.

Он стоял в самом центре Рима, и от него больше ничего не зависело. Он не мог помочь. Не мог изменить. Не мог ничего сказать. Он был просто мальчиком, который случайно попал на площадь в день, когда кончился один мир и начался другой.

Ночь пришла быстро.

Витька сидел на ступенях храма. Недалеко — там, где днём стояла толпа. Сейчас никого не было. Форум был пустой, тёмный, страшный. Луна освещала камни, и каждый камень казался — отдельным. Как будто город распался на части и никак не мог собраться обратно.

Витька думал.

Он думал о том, что Рим — сильный город. Великий. Могучий. Сто лет строил свою республику. Сто лет — я не знаю — двести, триста лет уступал и уступал друг другу. Медленно. Упорно. Он вспомнил главу про Форум. Седого мужчину у дверей. Медленное, упорное, тихое требование. И сенат — слушал! Слушал! Это было чудо. И вот оно кончилось.

Цезарь был не злодеем. Он был лучшим, что у Рима было. Он победил всех врагов. Он расширил границы. Он укрепил порядок. Он всё умел. И был — один. Один за всех.

И вот теперь — его больше нет. Убили прямо на заседании. Прямо в сенате. Прямо среди тех, кто когда-то вместе решал. Тех самых, кому Цезарь — и его сторонники, как и его враги, — все они прежде доверяли. Может быть, те самые, кто уступил однажды — а потом перестал уступать. Может быть, те, кто устал уступать.

Витька понял: Рим не погиб сегодня. Рим ещё сто раз поднимется, окрепнет, победит, станет величайшей империей мира. Он видел смутно, краем сознания, что впереди у этого города — не конец, а — огромное будущее. Долгое. Блестящее. И чем-то — страшное.

Но сегодня здесь была правда. И эта правда была в другом.

Эта правда была: даже самый сильный город может потерять себя, если перестанет уступать друг другу. Если вместо многих голосов решит, что довольно одного. Если заменит шум — на молчание.

Витька долго смотрел на пустой Форум.

А потом, не выдержав, посмотрел на спину — туда, где стоял молодой Марк. Он был всё ещё здесь. Не ушёл. Тоже смотрел. Не на сенат. Не на толпу. На Рим. Так, как будто прощался.

Витька поднял руку.

Двадцать зелёных квадратов. Двадцатый — загорелся тихо.

Он сказал про себя:

«Двадцать. Это — терять».

И свет померк.

Дома была глубокая ночь.

Витька сидел и не мог сразу взяться за ручку. Ему было нехорошо. Просто нехорошо, без объяснений. Как будто он присутствовал при чём-то, что не должен был видеть, — но увидел. И теперь должен как-то это переварить.

Он включил лампу поярче. Посидел ещё. Посмотрел на реку за окном. Она текла, как всегда. Спокойно. Размеренно. И от того, что она так спокойно течёт, стало немного легче.

Он открыл тетрадку. Написал сверху:

«Цезарь».

И стал писать.

Сегодня я был в Риме в тот день, когда убили Цезаря.

Я видел его. Живого. Он шёл через толпу, как будто просто шёл по своим делам. Люди его любили. Они смотрели на него как на своего. И он смотрел на них тоже как на своих.

Я был на форуме. Толпа стояла плотно. Сенат был закрыт. И в этом закрытом сенате было что-то тревожное. Сенат — это место, где раньше решали вместе. А сейчас — решал один. Вот что было не так. Не Цезарь был плохой. А то, что он оказался один вместо всех.

Я видел — потом. Но не то, что было. Я видел только, как люди замерли. И как тихо стало.

Я узнал от людей: Цезаря убили.

Он приходил, чтобы говорить с сенатом. Он был у них. У тех самых, с кем когда-то вместе правил. И они убили его. Может быть, те, кому он доверял. Может быть, те, кому он — не очень. Неважно. Убили.

Я думал потом всю ночь и не сразу понял одну вещь.

Рим не сломался. Рим пойдёт дальше. Может быть, станет ещё сильнее. У него будет своя империя. Большая. Долгая. Даже слишком долгая.

Но Рим — сейчас — потерял что-то очень важное. Он потерял умение уступать. Он потерял шум. Он потерял многих. Он потерял тихое, упорное, честное «мы разные, но мы вместе». Он потерял то, за что стояли плебеи у дверей сената.

И это не потому, что Рим плохой. Это потому, что так бывает. Даже у очень хороших. Даже у очень умных. Когда слишком долго не уступаешь — рано или поздно — прорывает. И тогда один становится — вместо всех. И тогда его убивают. И тогда становится ещё хуже. И тогда появляется император.

Я не знаю, что будет дальше. Может быть, я увижу это в следующей поездке. Или даже в этой. Но мне хочется, чтобы Рим вернул себе своё. Я даже не знаю, что именно. То самое — тихое. Шумное. Живое. То, что было у старухи у огня. У плебеев. У Марка.

Он задумался. Дописал внизу:

И ещё. Я видел рыжего мальчика. Похожего на Марка. Может, это его внук. Может, правнук. Может, просто похожий. Но лицо — то же. И взгляд — тот же. Мне стало немного легче. Значит, настоящий Марк — не исчез. Он — в этом мальчике. В этом лице. В этих веснушках. Рим не забудет, как выглядел Марк. Рим держит своих.

Он закрыл тетрадку.

Посмотрел на браслет. Двадцать.

Подумал: «Осталось два. Ещё одна — страна. И — разбор».

И лёг спать.

Глава 27. Хлеба и зрелищ

Он оказался на улице, которой раньше не видел.

Она была широкая. Не как та, из главы про Форум, узкая и тенистая, где дома толкались плечами. Эта была — **просторная, прямая, мощёная гладким камнем** — таким гладким, что по нему приятно было идти. По обе стороны — **колоннады**. За ними — **лавки**. Ещё дальше — **дома** **триэтажа**. Не как раньше. **Высокие**. **Сбалконами**. **Срезьбой**. **Сзанавесками** **из дорогой ткани**.

Витька шёл и смотрел **посторонам**.

Он **несразу** **понял**, что **изменилось**. А потом **понял**.

Воздух.

Воздух **был** **другой**. Не **Афины**. Не **Спарта**. Не **тот Рим**, что **был** **в главе 24**. Не **тот Рим**, что **был** **в главе 26**. Это **был Рим**, где **всё** **сбылось**. **Всё** **то**, что **мечтали** **плебеи** и **удверей** **сената**. **Всё** **то**, что **хотел** **Цезарь**. **Всё** **то**, что **рассказывал** **Марку** **огня** — **давным-давно**, в **деревне**, на **холме**.

Только — **нет** **так**, как **они** **себя** **представляли**.

Он **шёл** **по** **улице** и **смотрел**.

Люди были нарядные. Толпа — пёстрая. Нет толпы из главы 24, что требовала своего сената. Другая. Сытая. Довольная. Никуда не спешащая. Ничего не требующая. Ни о чём не спорящая.

Это было самое странное.

В Афинах — толпа спорила. В Спарте — толпа молчала и шла в ногу. В Риме — республика — толпа требовала. А здесь — толпа просто шла. Сытые лица. Спокойные глаза. На плечах — не тяжёлые мешки, а корзины с едой. Хлеб. Мясо. Вино.

Витька остановился и посмотрел.

Он вспомнил главы 24 и 25. Тех плебеев, что медленно и упорно добивались своего. Тех легионеров, что шлively ногу за знаменем. Тех мастеровых с мозолями. Тех, кто строил своё право быть римлянами. Столет. Три столет. Кровью и трудом.

Они получили своё.

Они получили хлеб.

Витька понял это стоской — грустной, тихой, безслов. То, о чём мечтали плебеи и удверей сената, — сбылось. Только сбылось не так, как они думали. Хлеб — давали бесплатно. Значит — не надо бороться. Значит — не надо спорить. Значит — не надо думать. Значит — всё уже есть.

И тогда — зачем голос? Зачем Форум? Зачем сенат? Зачем ступать и добиваться?

Дали хлеб. Тихо. Молча. Ровно.

И всё.

Витька пошёл дальше.

Чем дальше по улице, тем оживлённее становилось. Люди шли в одну сторону. Как тогда, в главе 26, перед Цезарем. Но тогда — на Форум. Сейчас — куда-то ещё.

Он пошёл с ними.

Он не знал, куда идёт. Просто шёл, как все.

Улица вывела его на площадь.

Огромную. Такую большую, что дома вокруг казались маленькими. В центре — что-то гигантское. Каменное. Круглое. Как... нет. Не как пирамида. Пирамида — вверх суженная. А это — круглое и вверх расширяющееся. Как чаша. Огромная каменная чаша. Поставленная на землю.

Колизей.

Витька догадался сразу. Он слышал это слово раньше. Дома. В книжках. В кино. И теперь — стоял перед ним.

Но — не внутри. Снаружи.

Он стоял на краю площади и смотрел.

Здание было высокой стрёхэтажный дом. Может, с четырёх. Стены из камня. Выложены аккуратно, тщательно, с узором. Проемы в несколько уровней. Наверху — тоже каменные зубцы. Как корона.

Красиво.

По-настоящему красиво.

Витька смотрел долго. Он не мог оторваться. Это было красивее пирамиды. Честно красивее. Просто — лучше сделано. Пропорции, резьба, свет. Всё сходилось.

И всё же от этого здания веяло — тем же. Тем же, что от пирамиды. Смертью.

Витька долго не мог понять, почему. Пирамида — для мёртвого царя. Всё ясно. А это — для чего? Для кого?

Тогда он посмотрел на людей.

Люди шли к Колизею.

Сотнями. Тысячами. Ровным потоком. Спокойно. Весело. С детьмина плечах. Скорзинамиседой. Сфлягамисвином. Какнапраздник. Какнаярмарку. Какначто-тохорошее.

Взрослымужчины. Женщины. Старики. Дети.

Всешлитуда.

Витька смотрелнанихичувствовал, каквнутричто-тосжимается.

Он понял— зачемКолизей. Понялбезобъяснений. Несловами, ачем-тодругим. Тем, чемонпонималвсёэтолето— безслов.

Колизей— этонедлятого, чтобыубивать. Убийство— этодеталь. Мясона-арене— этопечальнаянеобходимость. Колизей— длятого, чтобылюдисмотрели. Смотрелиначужуюсмерть. Вместе. Тысячами. Этогонельзяувидетьводиночестве. Это—общее. Это— тажепесня, толькоперевёрнутая. Тажесиласобратьлюдейвместе.

Толькораньше— вместепели. Потом— вместеспорили. Потом— вместестроили. Атеперь— вместесмотрят, какумираетчеловек. Иэто— тожеобщеедело. Иэто— тожедержитгород.

Только—другое.

Совсемдругое.

Рядом с нимкто-товстал.

Витька обернулся.

Двое.

Молодой человек— летвосемнадцати. Рыжий. Курчавый. Веснушки. Зелёныеглаза. И— рядомсним— девочка. Летшестнадцати. Рыжая. Курчавая. Втакомжевеснушчатомлице. Тежезелёныеглаза. Тажесосредоточенность.

Братисестра. ПонялВитька. Сразу.

Молодой человеккивнулему. Какраньше— Марк. Каквсегда.

Витька кивнулответ.

Девочка тожекивнула. Коротко. Безулыбки.

Ионистояливтроёмнакраюплощади. СмотрелинаКолизей. Иналюдей, чтошлитуда.

Молчали.

Долго.

Молодой человексказалчто-то.

Витька непонялслов. Нопонялтон. Как всегда.

Это былонеобъяснение. Это былчто-товроде: «Мынепойдёмтуда». Мынеходим. Мызнаем, чтоэто. Мы—несними.

Витька посмотрелнанего. Потом— надевочку.

Девочка смотреланаКолизейспокойно. Какбудтостараласьпонять, чтоэтого-токое— неосуждая, нененавидя, апонимая. Какспартанкавглаве19, котораясиделанакамнеисмотрелавполе. КакЛенкавглаве22.

Витька понял: это—тажесемья. Марки. Род. Черезпоколения. Стемжевзглядом. Стемжеумениеммолчатьидумать. Итожеупорство— простонадругомуровне.

Вместотого, чтобыборотьсязаголосусената, —теперьборотьсязато, чтобынеходитьвКолизей. Несмотреть. Небытькаквсе. Остатьсясобой.

Это— тожесамое. Только ещётруднее. Ещёопаснее. Ещёводиночестве.

Молодой человексказалещёчто-то.

Он показалрукой.

Сначала— наКолизей. Натолпу. Навсех, ктошёлтуда. Потом— насебя. Насестру. НаВитьку.

Тричеловека. Противтысяч.

Витька понял.

Непротив — потому что сопротивляться бессмысленно. А просто — отдельно. Невтолпе. Немного в стороне. И этого достаточно. И это — тоже самое «своё», о котором говорили греки. Только в Риме империи — «своё» стало дороже. «Своё» теперь — неправо. А выбор. Каждый день. Заново.

Девочка посмотрела на Витьку.

Она сказала что-то брату. Тихо. Он ответил. Тоже тихо.

И Витька в друг понял, что речь о нём. Они обсуждали его. Неплохо. Просто — обсуждали. Как брат и сестра обсуждают кого-то третьего, кто оказался с ними рядом.

Что они решили — Витька не понял. Но по лицу девочки видел: приняли. Как своего. Без слов. Без объяснений. Просто — он стоял, не шёл туда, из этого было достаточно.

Люди шли и шли.

Час. Два.

Мимо них проходили семьи. Мужчины смеялись. Женщины обсуждали что-то своё. Дети визжали от радости. Старики шли медленно, но — шли. Никто не оставался в стороне. Все — туда. В Колизей.

И там — внутри, за стенами, всё уже началось. Витька не видел. Но слышал. Гул толпы. Волнами. То затихает, то взрывается. Как море. Как погода. Как что-то большое, живущее самой своей жизнью, без всякого участия тех, кто внутри.

Это был тот же гул — что и на афинской площади в главе 21. Тот же, чем жил театр. Общий звук многих людей вместе. Только тогда — театр показывал людям их самих. А теперь — людям показывают смерть. И толпа гудит. И это — та же толпа, тоже собиране. Только наоборот.

Каждый раз — когда гул поднимался и падал, — Витька морщился.

Не от отвращения. А от того, что он понимал: если бы он сам был внутри, он бы тоже кричал. Как все. Как любой. Он не был лучше этих людей. Он просто стоял в стороне. Случайно.

И в этом было самое страшное открытие.

К вечеру люди начали выходить.

Усталые. Довольные. Разгорячённые. Сдетьмина руках — ужасящими. Обсуждали. Смеялись. Хлопали друг друга по плечам. Обычный вечер. Обычный день. Как всегда.

Витька смотрел на них и чувствовал себя очень маленьким.

Не потому, что он был ребёнком. А потому, что он был — один. Три человека на краю площади. И тысячи — внутри. И тысячи — правы. Потому что — так положено. Потому что — Рим. Потому что — величие.

Империя давала хлеб. Империя давала зрелища. Империя давала порядок. За это — люди шли в Колизей. И были счастливы. И это — тоже правда. И это — самое сложное, что Витька понял в это лето.

Нельзя просто сказать: «Это плохие люди». Нельзя просто сказать: «Это варварство». Это — люди. Обычные. Как ты. Как все. Они искренне радуются. Они искренне любят своих детей. Они искренне — римляне. И они — идут смотреть, как умирает человек. И тоже искренне.

И в этом — предел. В этом — тупик. В этом — страшная правда о том, куда может зайти цивилизация. Самая умная. Самая сильная. Самая каменная. До такого.

Витька обернулся к своим спутникам.

Они смотрели на него. Молча. Ждали.

Он понял вопрос. Без слов. Как всегда.

Он не знал ответа. Также, как в Афинах. Когда Сократ спросил его: «А ты что думаешь?». Он не знал. И не должен был знать.

Он просто покачал головой.

Девочка кивнула.

Молодой человек тоже кивнул.

И они пошли.

Молча. Втроём. В сторону от Колизея. В узкие улицы. Домой.

Витька не зашёл с ними.

Он остановился на повороте.

Он посмотрел на Колизей ещё раз. Долго. В сумерках он был особенно красив. Тёмный. Могучий. Вечный. Как будто он вырос из этой земли, из этого города, из всего этого мира. И будет стоять, когда все эти люди исчезнут. И будет будить в тех, кто придёт потом, то же самое — не восторг. Тоску.

Он поднял руку.

Двадцать один зелёный квадрат. Двадцать первый — загорелся тихо. Как все. Мягко. Как будто он даже сочувствовал Витьке.

Витька сказал про себя:

«Двадцать один. Это — видеть».

И свет померк.

Дома была ночь.

Витька долго сидел и не мог взяться за ручку.

Он не знал, что писать. Непотому, что не было слов. А потому, что это было слишком большим. Слишком страшным. Слишком взрослым.

Но потом всё же взял.

Написал сверху:

«Хлеб из зрелищ».

И стал писать.

Сегодня я был в Риме империи. Рим стал огромным. Просто огромным. Красивым. Сытым. Спокойным. Люди нарядно одеты. Хлеб дают бесплатно. Всё есть.

Я видел Колизей. Снаружи. Не внутри. Я не пошёл.

Он красивый. Честно красивые пирамиды. Аккуратнее. Точнее. Тщательнее сделан. Ты бы смотрел и восхищался.

Но я смотрел на людей, что илитуда. И понял самое страшное.

Туда шли все. Обычные. С детьми. Седой. Свином. Как на праздник. И внутри убивали людей. И они смотрели. И кричали. И радовались.

Я думал долго, почему это так.

И понял.

Не потому, что эти люди — плохие. Они не плохие. Они — тоже, что и все. Что и я. Если бы я был внутри, я бы тоже кричал. Все бы кричали. Потому что — вместе. Потому что — все.

Зрелища — это не прото, что кто-то умирает. Зрелища — прото, что все смотрят вместе. И от этого чувствуют себя — одним целым. Одно большое тело. Одна сила.

Как пение. Как театр. Как спор на площади.

Только раньше — вместе пели. Потом — вместе спорили. Потом — вместе строили. А теперь — вместе смотрят, как убивают. И это — то же самое. Такое же большое. Такое же живое. Такое же — Рим.

И это самое страшное, что я видел за всё лето.

Он задумался. Дописал:

И ещё. Империя даёт хлеб. Хлеб— чтобы недумали. Раньше у плебеев было дело— добиваться. Они уступали и уступали, и город креп.

А теперь— нечего уступать. Всё дано. Хлеба. Зрелищ. Только— тихо. Неспорь. Нетребуй. Смотри.

Это то же пирамида. Только не из камня. Из человеческого молчания. Построена на том, что миллионы отказались думать.

Я не знал тако гораньше. И теперь не забуду.

И ещё— люди. Двоерыжих. Похожих на Марка. Братисестра. Они— непошли в Коллизей. Они— в стороне. Как тот старик в деревне. Как спартанка на камне. Как ты, Ленка, когда слушаешь и молчишь.

Они — не лучше других. Они — просто в стороне. И — в этом всё. Не бороться. Не осуждать. Просто — быть в стороне. И — знать.

Он закрыл тетрадку.

Посмотрел набраслет. Двадцать один.

Подумал: «Остался один».

И лёг спать.

Глава 28. Разбор

Он проснулся рано.

Сам. Без будильника. Как будто что-то внутри знало: сегодня. Последний день лета. Последний день поездки. Последний разбор.

За окном только начинало светать. Небо — серое, мягкое. Не холодное. Просто — раннее. Птицы уже проснулись. Где-то далеко — первый трамвай. Где-то рядом — петух. Свой. Дворовый. Настоящий.

Витька полежал ещё немного.

Потом встал.

Он умылся. Оделся. Взял тетрадку. Привычным жестом — подмышку. Как всегда.

И посмотрел на brasлет.

Двадцать один зелёный квадрат. Один пустой. Последний.

Он смотрел на него долго.

Он не знал, что будет, когда загорится последний. Никто не знал. Может — ничего. Может — что-то. Может — браслет исчезнет. Может — всё продолжится, и будет новый браслет, и новое лето, и новый класс.

Витька не боялся. И не ждал с нетерпением. Просто — был готов. Как всегда. Как в сёло.

Он вышел из дома.

Утро было уже позднее, когда он дошёл до гаражей.

Солнце вышло. Август заканчивался. Воздух был другой — не июльский, не жаркий. Остывающий. Слёгкой прохладой в тени. С запахом — листьев, которые скоро пожелтеют. С предчувствием.

Дальние гаражи. Тёплые. У самой реки.

Витька шёл и смотрел. Всё то же. Всё знакомое. Дворы с бабушками. Мальчишки на велосипедах. Голубина на проводах. Куст сирени — отцветший, но густой. Скамейка отсутствующей планкой. Река. Тёплая. Стиной у берега. Сутками.

Он сел на скамейку.

Криво сел. Как всегда. Как привык.

И стал ждать.

Ленка пришла первой.

Она всегда приходила первой. Даже когда приходила второй. Потому что это — Ленка. Потому что всё её время — её. Неспешит. Не опаздывает. Просто — здесь. Когда надо.

Она подошла. С книжкой. Толстой. В мягкой обложке. Как всегда. С яблоком в кармане. Тоже как всегда.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — сказал Витька.

Она села. Рядом. Невзатылок. По плечу. Как садится человек, с которым не надо разговаривать, чтобы было хорошо.

Она откусила яблоко. Прожевала. Проглотила.

— Последний день лета, — сказала она. Спокойно. Без вопроса.

Витька кивнул.

— Первого сентября — школа.

— Ага.

— Шестой класс.

— Ага.

— Страшно?

Витька задумался. Как всегда, когда она спрашивала вот так — просто, в лоб, без подготовки.

— Не знаю, — сказал он честно. — Может, чуть-чуть. Может, нет.

Ленка кивнула.

— Хорошо, — сказала она.

И замолчала. Спокойно. Без напряжения. Как будто всё уже сказано. Как будто остальное — не её дело. И это было правда.

Петя пришёл через пять минут.

Он всегда приходил через пять минут. Никогда вовремя. Никогда слишком поздно. Просто — чуть после. Как настроение. Как погода.

Он подъехал на велосипеде. Растрёпанный. Улыбающийся. Вовселицо — не улыбка, а солнце.

Увидел их издали и заорал:

— О-па-па! Троица собралась! Последний раз летом!

Он подъехал вплотную. Затормозил лихо. Спрыгнул. Бросил велосипед прямо в траву — как всегда. Плюхнулся на скамейку — как всегда. Скамейка скрипнула. Куст качнулся. Утка рякнула. Испугалась.

Петька засмеялся.

— Нучто, Витёк, — сказал он. — Готов?

— К чему?

— К финалу, — сказал Петька важно. Как будто он знал, что такое финал. — Лето кончилось. Всё. Баста. Последний разбор, да?

Витька кивнул.

Петька хлопнул его по плечу. Сильно. Как всегда. Так, что Витька чуть не свалился с скамейки.

— Давай, — сказал он. — Рассказывай. Про Рим, что ли?

И Витька рассказал.

Не так, как писал в тетрадке. Прямо. Как умел. Как летом — просто, без запинки, без подготовки.

Он рассказал про деревню на холме. Про пять домов. Про старуху у огня. Про волчицу, которой не было. Прото, что миф — это память, только на этот раз — о самом простом. О том, что люди выживали. О том, что зверь жалел детей. О том, что на пустом месте строился город.

Петька слушал. Неперебивал. Как всегда, когда было важно. Только иногда мотал головой. Как будто — неверилось.

Потом — про Форум. Просенат. Прото плу. Промужчину с мозолями, которого не пускали внутрь. Прото, как плебеи собирались тайком и говорили одну вещь — «мы тоже Рим».

Ленка смотрела на него. Внимательно. Как всегда. Но — не в глаза. Куда-то сквозь. На реку. Как будто виделато, очём он говорил. Как будто её глазами он сам это видел лучше.

Потом — про легион. Промарш. Про пыль. Про знамя. Проразные лица в строю — тёмное, светлое, греческое. Прото, что Рим умеет брать чужих и делать своими.

Петька присвистнул.

— Это как на шдвор, — сказал он. — У нас won, ког только нет. С Армении — Ашот. С Украины — Тарас. С Татarii — Ильдар. И ничего. Все — наши.

Витька улыбнулся.

— Типатого, — сказал он. — Только у них — до конца серьёзно. До смерти.

Петька замолчал.

Потом — про Цезаря.

Витька рассказывал осторожно. Без подробностей. Как он шёл через толпу. Как люди его любили. Как он был один из всех. И как потом — стало тихо. Пусто. Никого.

Петька сразу стал серьёзным. В такие минуты он всегда становился серьёзным. Без перехода. Как будто щёлкнул выключатель.

— Прямубили? — спросил он тихо.

— Прямубили, — сказал Витька.

— Пряму сенате?

— Пряму сенате.

— Жёстко.

— Жёстко.

Помолчали.

— А чего онодиностался? — спросил Петька. Не обвиняя. По делу. — Сенат же был? Все вместе решали?

Витька задумался. Он сам это понял не сразу. Не в Риме. Позже. Дома. За тетрадью. Как всегда.

— Он думал, что он лучше, — сказал он наконец. — Нет, что лучше всех. А так, что — лучше делает. Понимает больше. Видит дальше. Помогает лучше. И поэтому — должен решать один. За всех.

Ленка подняла глаза. Внимательно.

— Как Сократ, — сказала она.

Витька остановился.

— Как Сократ? — переспросил он.

— Нет, — сказала Ленка. — Не как Сократ. Сократ не решал за всех. Сократ учил думать самому. А Цезарь — решил вместо всех. Как раз наоборот.

Витька посмотрел на неё долго.

Он думал, что сам это понял. Оказалось — нет. Недоконца. Нет, ясно. Она — понимала лучше. Яснее. Одной фразой, просто. Без лекций. Без объяснений.

— Да, — сказал он тихо. — Именно.

Петя смотрел на Ленку, на Витьку. Ничего не понимал. Как всегда. Но чувствовал — что-то важное. И потому не перебивал.

— А ещё Колизей, — сказал Витька.

И рассказал про Колизей. Снаружи. Про людей, что шли туда — седыми, седой, свином. Как на праздник. Прогуливаясь. Прото, что он не пошёл внутрь. Продвоих-рыхжих — брата и сестру, которые тоже не пошли. Прото, что это — не «плохие люди». Это — люди. Простые. Такие же, как все. Как ты. Как я. Именно это — самое страшное.

Петя слушал. Молча. Долго. Дольше обычного.

Потом сказал:

— А мы бы пошли?

Вопрос повис в воздухе.

Витька посмотрел на него. Потом — на Ленку.

Ленка не ответила. Просто смотрела на воду.

Витька честно сказал:

— Не знаю.

Петя кивнул.

— Я бы пошёл, — сказал он вдруг. Тихо. Без бравады. Просто. — Ну, посмотрел бы. Я же — не знаю. Никогда не видел.

— И я бы, — сказал Витька.

Они посмотрели друг на друга.

И оба поняли одно и то же. И от этого стало — не страшно. Даже как-то — спокойно. Как будто правда всегда лучше вранья. Даже если правда такая.

Ленка сказала:

— А потом бы — что?

Петя сразу не понял.

— В смысле?

— Ну, посмотрел бы ты. Один раз. Два раза. А потом — что?

Петя задумался.

И не нашёл ответа.

— Ну, — сказал он через молчание. — Не знаю. Потом — домой бы пошёл.

— И что дома?

— Как всегда. Ужин. Спать.

— И на следующий день — опять пошёл бы?

Петя задумался ещё раз. Долго.

— Ну, нет, — сказал он наконец. — Каждый день — ну а фиг. Скучно же.
Ленка кивнула.

Она ничего не сказала. Ни ему, ни Витьке. Просто кивнула — и откусила ещё б-локо. Хрустнула. Медленно прожевала.

Витька смотрел на неё и думал: она опять права. И опять — без слов. Как всегда. И он не стал ничего говорить. Ненадобыло. Всё было сказано.

Они сидели долго.

Солнце поднялось. Стало по-настоящему тепло. Утки загоготали. Кто-то — из дальних дворов — крикнул детей домой обедать. Пахло — осенью. Близкой.

Петька смотрел на браслет.

Он всё время на него поглядывал. С самого начала. И наконец не выдержал.

— Слушай, — сказал он. — А последний — когда?

Витька посмотрел на руку.

Двадцать один зелёный. Один пустой. Последний.

— Не знаю, — сказал он честно. — Может, сегодня.

Петька вытаращил глаза.

— Что — сегодня?!

— Может, — спокойно сказал Витька. — Я не знаю, как это работает. Просто — знаю, что последний. Он — последний за это лето.

Петька посмотрел на Ленку.

Ленка — на Витьку.

Витька — нарек.

Молчание.

Потом Ленка сказала:

— Ну и? Чего сидим?

Витька посмотрел на неё.

— Что «чего»?

— Рассказывай дальше, — сказала Ленка. Спокойно. Как будто всё уже решено.
— Ты же не закончил. Ещё — разбор.

Витька вдруг понял, что она права.

Он всё это время думал, что финал — это браслет. Последний квадрат. Что-то произойдёт. Что-то закончится. А финал — вот он. Здесь. Сейчас. Сними. Последняя глава — это не браслет. Последняя глава — это разбор.

Прямо сейчас.

Он выдохнул.

И начал.

Он стал рассказывать всё сразу. Уже не по странам. А по чему-то другому. Что видел за это лето. Что понял.

Он рассказал про пирамиду. Прото, что она — камень на камне, ради мёртвого царя. И что люди, которые её строили, — не рабы в нашем смысле. Они — тяжелые люди. Простые. Смолями. Сименами. И им тоже хотелось чего-то большего. И это — страшная правда: человеку нужно что-то большое. Даже если это — смерть.

Он рассказал про глиняные таблички. Проклинопись. Прото, что люди придумали писать — не для красоты. А чтобы не забыть. Учёт. Зерно. Долги. А потом — уже и стихи. И это — тоже важно. Всё начинается с простого. С зерна. С долга. С учёта. А потом — вырастает в поэму.

Он рассказал про Грецию. Простарикана Крите, который сказал: «Минотавра нет». Прослепого певца, который пел под платаном. Простарикана Кунакамне. Промара-

фонскую линию, неровную и живую. Про Афины, где все спорили. Про Сократа, который только спрашивал.

Он рассказал про Рим. Про деревню, которая стала городом. Про плебея у дверей сената, который медленно добивался своего. Про легион, который шёл в ногу. Про Цезаря, который остался один. Про Колизей, который красив снаружи.

И потом сказал то самое, чтобы было главное. То, что он понял не в какой-то отдельной стране, а за всё лето сразу.

— Понимаешь, — сказал Петя и Ленке. — Везде — одно и то же. Везде — люди хотят быть вместе. Только по-разному. Египтяне — вместе строили пирамиду. Между речью — вместе писали. Греки — вместе пели, а потом — вместе спорили. Римляне — вместе шли в ногу. А потом — вместе смотрели, как убивают. И всё это — одно и то же. Одно. Просто — разное. И чем больше — тем страшнее. Потому что — сильнее.

Петя молчал.

Ленка тоже.

Витя продолжил:

— Знаешь, что понял? Что главное — не быть вместе вообще. Главное — быть вместе и не терять себя. Как Сократ. Как спартак. Как те двое ржи у Колизея. Как вы. Вот сейчас. Мы втроём. Сидим. Молчим. И ничего не надо. И это — главное.

Он замолчал.

Петя смотрел на него серьёзно.

Ленка — внимательно. Мягко. Как всегда.

И тогда — Петя сказал:

— Витёк.

— Что?

— Ты нормальный пацан, — сказал Петя. — Реально. Все эти дела — это... ну, круто. Я бы так не смог. Мне бы — ржать охота. А ты — вот так. По делу. И — за это.

Он протянул руку.

Витя посмотрел на руку. Потом — на Петю.

Петя никогда не протягивал руку. Ни разу за всё детство. Он хлопал по плечу. Толкал. Смеялся. Ржал. Норуку — никогда.

Витя протянул свою.

Они пожали руки. Коротко. Как мужчины. Как римляне.

Ленка смотрела на них обоим. И улыбалась.

По-настоящему. Не уголком.

И в этот момент Витя почувствовал — тепло.

Не солнце. Что-то другое. Внутри. В руке.

Он посмотрел вниз.

Последний квадрат горел.

Зелёный. Мягкий. Тихий. Как все.

Двадцать два.

Витя смотрел на руку. Долго.

Ничего не произошло. Небось упало. Пол не разверзся. Свет не померк. Просто — стало чуть-чуть теплее. В руке. И чуть-чуть** —** в груди.

Ленка сказала:

— Горит?

— Горит, — сказал Витя.

Петя смотрел на расцветы таращенными глазами.

— Все? — только спросил он.

— Все, — сказал Витя.

Петька помолчал.

Потом сказалважно, какбудтоставилточку:

— Нуивсё. Молодец.

И засмеялся. Первый. Каквсегда. Ивсезасмеялись.

Смеялись долго.

Потом —затихли.

Наступила тасамаятишина, котораябылаунихвсёлето. Ненеловкая. Непустая. Та, вкоторойможносидетьвтроёмничегонеговорить. Иэто—хорошо.

Уткиплавали. Голубиходилипоберегу. Где-тодалеко—собакалаяла. Кто-товодворе—кричал. Классика. Обычныйавгустовскийдень.

Витька смотрелнареку.

Он думалпробраслет.

Вседвадцатьдва. Всегорят. Зелёные. Тихие.

И —ничего. Никакогообещания. Никакогознака. Никакого«атеерь—воттебе-награда». Просто—браслет. Просто—всё. Какбудтобраслетнебылнничего. Какбудтобыл—длясамогосебя.

Витька понялоднувещь.

Ничегонебудет.

Небудетникакогосюприза. Никакогофинала. Никакого—«атеерьтысталдругим». Просто— летокончилось. Просто— браслетзаполнился. Просто— завтра—первоесентября.

И отэтогостало—легко. Почему-то—легко.

Потомучтобраслетникогданеобещалничего. Онпростобыл. Авсёостальное—самВитька. Сам. Своимируками. Своимиглазами. Своейголовой.

Он посмотрелнарукуещёраз.

И тихо, просебя, сказал:

«Спасибо».

— Слушай, — сказалПетька. — Аон—навсегда?

Витька посмотрелнанего.

— Что—навсегда?

— Браслет. Ну, яимеювиду— онтеперьтакибудет—всё?

— Незнаю, — сказалВитькачестно. — Может, будет. Может, нет.

Петька задумался.

— Аеслинет?

— Нуичто?

— Ну, —Петькапожалплечами. — Нежалко?

Витька подумалминуту.

— Нет, — сказалон. — Нежалко.

И улыбнулся. По-настоящему.

— Знаешьпочему?

Петька покачалголовой.

— Потомучто— яженезабуду, — сказалВитька. — Нипирамиду. НиМинотавра. НиМарафон. НиЦезаря. НиКолизей. НиМарка. Ни—вас. Ничего. Дажееслибраслетисчезнет. Дажеесли—вообщевсёзабуду. Всёравно—что-тоостанется. Что-товнутри. Понимаешь?

Петька кивнул. Серьёзно.

— Понимаю, — сказалон. Тихо.

И —наэтотраз—никтонеzasмеялся. Потомучтоэтобылонесмешное. Потомучтоэтобыло—важное.

Ленка встала.
Неспеша. Как всегда. Как будто время—её. Как будто—никуда и не надо.
— Пойдём? — сказала она.
Витька посмотрел на неё.
— Куда?
— Погуляем, — сказала Ленка. — Последний день лета. Первого сентября—школа. Мама мне сказала—я буду—ну, неважно. Пойдём.
Витька встал.
Петя как встал.
Криво— как всегда— поднял свою скамейку и свой велосипед.
Пошли вдоль берега.
Молча.
Втроём.
Уже—не по дороге из гаражей. Просто по берегу. Как всегда. Как в детство.
Как лето. Как—жизнь.
Вечер пришёл незаметно.
Солнце клонилось к закату. Река стала золотой. Комары вылетели. Утки поплыли.
Где-то далеко—пахло дымом. Кто-то жег листья. Первое предчувствие осени.
Они сидели на камне. Втроём. Смотрели на воду.
Долго.
Никто не говорил.
Потом Витька сказал:
— Авшестом классе—что?
Ленка посмотрела на него.
— Ну, история, — сказала она просто. — Мы в прошлом году дошли до Рима. Значит, в этом— дальше. Средние века. Дальше. Рыцари. Инквизиция. Потом— открытия. Потом— Колумб. Потом— революции. Потом— мы.
Витька кивнул.
Дальше. Значит— дальше. Значит— не конец.
— Ещё лето будет, — сказал Петя как друг. — В следующем году. И тоже— целый год. Тоже— куча времени.
— Целый год, — согласилась Ленка.
— Целый год, — сказал Витька.
И улыбнулся.
Витька посмотрел на руку.
Браслет. Двадцать два зелёных. Все. Тихие. Тёплые.
Он подумал—про себя.
Не отом, чтобы было. Отом, что будет.
Средние века. Рыцари. Замки. Крестовые походы. Монахи с книгами. Соборы.
Витражи. Карты.
Открытия. Корабли. Колумб. Магеллан. Новый свет.
Революции. Пушки. Бастилия. Наполеон.
И—что-то ещё. Что-то—после. Что-то— уже почти рядом. Уже почти про нас.
Он не знал, что будет. И—не хотел знать. Слишком много интересного впереди.
Слишком много—неизвестного. И это— лучше. Намного лучше, чем если бы он знал заранее.
Незнание—не страшно. Незнание— это—вкусно. Как первое яблоко летом. Как первый снег зимой. Как то, что ещё не случилось.
Он сжал руку в кулак.

Тихо.

И—разжал.

Ленка всталапервой.

— Мнепора, — сказалаона. — Мамабудетругаться. Последнийдень—аменянет.

Витька встал.

— Проводить?

— Ненадо, — сказалаЛенка. Спокойно. Каквсегда. — Знаешьже. Я—сама.

И посмотрелананего. Долго. Прямо.

Молча.

Потом —чуть-чутьулыбнулась. Уголком. Каквсегда.

И пошла.

Книжкаподмышкой. Огрызкояблокавкармане. Прямая, лёгкаяпоходка. Неоглядываясь. Каквсегда.

Витька смотрелейвслед.

Долго.

Он думал— пронеё. Прото, чтоона—никогданеговоритмного. Прото, чтоона—всегдаподелу. Прото, чтоона—понялапроСократалучше, чемонсам. Прото, что—еслибыонапопалавРим, онабы—непошлавКолизей. Кактедвоерыжих. Какспартанка. Как— онсам.

Она—своя. По-настоящему. Своя—всегда. Своя— безвсякогобраслета.

И —отэтосталохорошо.

Какбудтозаэтолето—оннашёлчто-то, чегонейискал. Инепотерял.

Петька подошёлсвелосипедом.

— Нучто, Витёк, — сказалон. — Ятожепоеду. Батяобещалсутра—нарыбалку.

Надо—перешколой. Последнийраз. Ато—первоесентября. Уроки. Дела. —нуего.

Витька кивнул.

— Давай, — сказалон.

Петька селнавелосипед. Хотелужеехать— иостановился.

Обернулся.

— Слушай, — сказалон. Снемногодругимлицом. Нестем, которымржал. Другим. — Еслиты—проэтолето—ну, черездесятьлет—вспомнишь. Тывспомниипроменя. Ладно?

Витька посмотрелнанего.

— Обязательно, — сказалон.

— Не забудь.

— Не забуду.

Петька улыбнулся. Опять—вовсёлицо.

И уехал.

Быстро. Лихо. Каквсегда. Растрёпанный. Смешной. Свой.

Витька смотрелемувслед.

Долго.

Он осталсяодин.

Наберегу. Уводы. Втишине.

Солнцеужекрасное. Огромное. Опускалосьзареку. Небо—розовое, золотое, мягкое. Комары. Утки. Тинауберега. Тёплая. Знакомая.

Витькаселнакамень.

Рядом—камни. Плоские. Гладкие. Сдетстваизвестные.

Он взялтетрадку.

Открыл.

Нашёл—чистую страницу. Последнюю залето.
Взял ручку.
Задумался.
Долго.
Потом написал сверху:
«Конец тетрадки».
И—замер.
Ручка зависла над бумагой.
Он не знал, что писать.
Потому что— всё было уже написано. Всестраны. Все главы. Все слова. Всё—
до дна.
И—всё же—надо было что-то написать.
Просто—поставить точку.
Он написал:
Сегодня—последний день лета. Завтра—первое сентября. Шестой класс.
Браслет—заполнен. Все двадцать два—горят.
Я не знаю, что будет. Может, браслет исчезнет. Может, останется. Может—
будет новый. Я не знаю. И—не хочу знать.
Я просто—записываю. Чтобы помнить. Всё. Чтобы было. Что я понял.
Египет. Междуречье. Греция. Рим.
Пирамида. Клинопись. Песня. Легион.
Строить. Писать. Измерять. Понимать. Помнить. Быть. Думать. Творить.
Видеть. Петь. Спорить. Свобода. Уступать. Принимать. Терять. Видеть.
Двадцать два слова. Двадцать два квадрата. Одно лето.
Что я понял главное?
Одно. Простое.
Люди всегда—вместе. Потому что—так надо. Потому что—иначе никак. Потому
что—человек без места—не человек.
Новместе—это значит—одинаково. Вместе—это значит—молчать. Вме
сте—это значит—смотреть, как убивают.
Вместе—это значит—быть вместе и—оставаться собой. Как Сократ. Как спар
танка. Как Ленка. Как Петька. Как те двое рыжих у Колизея. Как—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.